
В. И. КРАСИКОВ

**САМОФОРМИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОТБОР
В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВИДА***

Существует ли отбор в биосоциальной эволюции, и какова роль в ней человеческой деятельности? Соответственно данному ключевому вопросу объектом исследования в предлагаемой статье можно считать биосоциальную эволюцию нашего вида, предметом же будут такие ее аспекты на предысторическом этапе, как деятельность и отбор. Актуальность подобной тематики мотивируется необходимостью сосредоточиться на поиске методик применения важных идей биологической эволюционной науки в интерпретации эволюции социальной. Применяемые методологические регулятивы сопряжены с особенностями объекта и предмета исследования. Это следующие методологические средства: идея искусственного отбора; концепция человеческой ниши; идея отбора против агрессии; идея самодоместикации, понимаемой в качестве особого переходного эволюционного процесса, перерастающего затем собственно в макроисторию.

В этой статье мы обсуждаем четыре подхода к присутствию тех или иных форм отбора в человеческой биосоциальной эволюции, а именно: (1) дарвиновскую позицию и ее поздние расширенные варианты в виде генной версии естественного отбора; (2) концепции, связывающие модификацию человеком своих звериных черт с созданием антропогенной ниши, культурным строительством; (3) точку зрения тех, кто связывает одомашнивание человека с отбором против агрессии; (4) теории социального отбора, где вычленяются уже успешные практики или же более сплоченные группы. Выводы, следующие из обсуждения, были затем,

** Для цитирования:* Красиков В. И. Самоформирование через деятельность и отбор в эволюционной траектории человеческого вида // *Философия и общество*. 2024. № 2. С. 35–51. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.02.

For citation: Krasikov V. I. Self-Formation through the Activity and Selection in the Evolutionary Trajectory of the Human Species // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 2. Pp. 35–51. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.02 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2024 35–51

DOI: 10.30884/jfio/2024.02.02

в свою очередь, проблематизированы указанием на ряд последующих исторических обстоятельств, вновь изменивших условия рассмотрения и квалификации: антропогенная ниша производит антропоизацию биосферы планеты в целом, а отбор против агрессии в предыстории сменился ренессансом альфа-индивидов в истории цивилизации.

Ключевые слова: биосоциальная эволюция, искусственный отбор, самодоместикация, антропогенная ниша, отбор против агрессии, альфа-особи, социальный отбор.

The author attempts to answer the following key question, namely: does selection exist in biosocial evolution and what is the role of human activity in it? Accordingly, we consider the biosocial evolution of the human species as the object of research, and we consider such aspects of this evolution in its prehistoric stage as activity and selection as the subject of research. We think that the relevance of the topic of the article lies in the application of the methods of biological evolutionary science to social evolution. We have in mind the following methodological tools: the idea of artificial selection; the concept of a human niche; the idea of selection against aggression; the idea of self-domestication, understood as a special transitional evolutionary process, which then transforms into macrohistory proper.

In this article we discuss four approaches to the presence of certain forms of selection in human biosocial evolution, namely: (1) the Darwinian position and its later extended variants in the form of a genetic version of natural selection; (2) concepts linking human modification of the animal traits with the creation of an anthropogenic niche and cultural construction; (3) the view of those who attribute human domestication to selection against aggression; (4) theories of social selection, in which already successful practices or more cohesive groups are selected for.

Keywords: biosocial evolution, artificial selection, self-domestication, anthropogenic niche, selection against aggression, alpha individuals, social selection.

Как человек сформировал из себя человека, могло ли быть такое? Ведь люди не только одомашнили многие виды диких животных, но в известной степени «приручили» и себя. Как они обуздывали звериное начало, формируя в себе новое существо? Делали ли они это всегда сознательно и целенаправленно или как-то по-иному? [Скотт 2012.] Данные вопросы и являются проблемно-тематическими рамками предлагаемой статьи.

Идея отбора в понимании человеческой эволюции и истории

Рассуждения об укрощении животного начала в человеке, о том, что существуют важные различия между дикими и одомашненными видами, что людей также можно отнести к «одомашненным», мы встречаем уже в древних текстах. Так, Аристотель, сравнивая диких и домашних животных, отстаивает утверждение о том, что некоторые люди являются рабами по своей природе, они в своем роде одомашненные животные [Саидов 2009]. Тит Лукреций Кар описывает антропогенез как процесс, который в решающей степени включает в себя смягчение и ломку нрава людей. По его словам, такое смягчение произошло в результате череды трансформаций, включавших оседлость, моногамию, совместную заботу о детях, появление чувств сострадания и справедливости [Даниленко 2013].

Однако в современном виде сформулировал проблему влияния людей на свою эволюцию Ч. Дарвин в «Происхождении видов» – по аналогии с искусственным отбором (или «человеческим отбором», как он выражался). В последнем ученый различал два вида: «методический» и «бессознательный». В главе «Вариации при доместикации» это различие виделось им в следующем: отбору можно следовать либо методично и преднамеренно, либо бессознательно и непреднамеренно. В первом случае человек отбирает и сохраняет каждую последующую вариацию с отчетливым намерением улучшить и изменить породу в соответствии со сформулированной задачей. Добавляя вариации, часто незначительные, не заметные неискушенным наблюдателям, он производит в итоге существенные изменения и улучшения. Но и во втором случае, не имея ясно сформулированных намерений, однако сохраняя в каждом поколении наиболее ценных особей и уничтожая бесполезных, он медленно, но верно также вызывает большие изменения.

Эти две разновидности искусственного отбора требуют различных действий со стороны осуществляющего отбор. Методический отбор имеет место, когда агент-человек действует с целью получения конкретных результатов в родословной: практических или эстетических. Напротив, бессознательный отбор осуществляется агентами «человеческого отбора», действующими в соответствии со своими предпочтениями в отношении черт, которые они находят полезными или красивыми, но без какого-либо четко выраженного

намерения произвести изменения в родословной. В итоге в любом случае имеет место выбор разрешить некоторым «признанным» вариантам воспроизводиться – в ущерб другим [Дарвин 2021].

Учитывая эти взгляды Ч. Дарвина, как можно охарактеризовать его мнение о возможностях эволюционного влияния людей на людей, подобном искусственному отбору в отношении животных? В целом он отвергает эту гипотезу, говоря о том, что искусственный отбор – редкое явление среди человеческих популяций. Аргументы Дарвина: человек сильно отличается от любого одомашненного животного, его разведение никогда долго не контролировалось ни методическим, ни бессознательным отбором.

Вместе с тем он приводит хорошо известный случай с прусскими гренадерами, когда король Фридрих I мобилизовывал высоких мужчин в свой полк «Потсдамские гиганты» и принуждал их жениться на высоких женщинах для получения соответствующего потомства. Дарвин также ссылается на спартанскую практику убийства слабых и уродливых новорожденных, но считает подобные случаи эволюционно маргинальными. В целом эти воздействия были мелкомасштабными и недолговечными, потому и не привели к каким-либо существенным изменениям.

Другие возможные прецеденты – это исторические формы рабства и полового отбора. Рабство, в котором некоторые люди оказывались полностью, в том числе и в репродуктивном отношении, порабощенными другими, гипотетически могло привести к искусственному отбору (методическому или бессознательному). Но Дарвин, будучи ярким аболиционистом, отказывался рассматривать этот вопрос.

Также иногда он предполагал, что половой отбор среди людей может являться формой бессознательного отбора. Последний определяется мужской конкуренцией и мужским выбором: «победившие» мужчины, выбирая для себя наиболее «ценных» женщин, определяют, кто и с кем будет спариваться. Этот выбор в общем не направлен на изменение родословной, но, несомненно, меняет ее. Однако и эти вопросы великий эволюционист лишь наметил и подробно не исследовал, справедливо предполагая яростную реакцию викторианского общественного мнения [Бужилова, Харитонов 2009].

Итак, несмотря на ряд предположений, в целом Ч. Дарвин полагал, что искусственный отбор людей людьми встречается редко, недолговечен и эволюционно маргинален.

Однако та же проблема присутствия отбора в человеческом сегменте эволюции была обновлена более века спустя после «Происхождения видов» (1859) в книге Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (1976). Можно сказать, что концепция «эгоистичного гена» довела теорию эволюции Дарвина до своего логического завершения. Докинз [2023] ясно продемонстрировал, что эволюция присутствует не на уровне организма, а на уровне генов, которые остаются невредимыми на протяжении эпох, «перепрыгивая» из тела в тело. Акцентируя эту мысль, он определяет тела как своего рода «машины выживания», транспортные средства, запрограммированные на сохранение «эгоистичных» молекул, известных как гены. В качестве отдельных организмов мы не что иное, как машины выживания, которые выбывают, когда наши гены переходят к другому индивиду, как по эстафете, тянущейся через тысячелетия. Таким образом, если Коперник переопределил координаты Земли в Солнечной системе с центра на одну из периферийных орбит, а Дарвин понизил статус человечества до уровня человекообразных обезьян, Докинз нанес последний удар по антропоцентризму: мы как индивидуумы не находимся в центре естественного отбора.

Р. Докинз написал свою книгу с точки зрения зоолога и сосредоточил большую часть своего внимания на поведении животных. Он демонстрирует, что многие, казалось бы, парадоксальные модели поведения имеют смысл, если рассматривать их в свете борьбы отдельных генов за максимизацию своих шансов на сохранение. Например, Докинз признал путаницу в человеческой этике относительно уровня, на котором желателен альтруизм, – семьи, расы, вида или всех живых существ. С точки зрения генов ответ прост: ген выигрывает, отдавая предпочтение особям, которые, вероятно, являются носителями его копий. Популяризируя новаторские работы своих современников, Докинз объясняет прекрасный баланс конкуренции и сотрудничества между братьями и сестрами, между родителями и их потомками, а также между партнерами [МакГинн 2023].

Примечательно, что когда британский ученый написал «Эгоистичный ген», ни одна последовательность генома еще не была полностью расшифрована, однако это не помешало ему сделать вывод о работе генов на геномном уровне. Интересно предсказание Докинзом явления, которое, как оказалось, имеет геномные масштабы: существование чисто эгоистичной ДНК, генов, у которых нет никакой другой функции, кроме как размножаться в геноме,

например путем копирования и вставки себя в ряд различных хромосом нашего собственного генома и генома большинства людей в данном обществе. Спустя 25 лет после публикации книги крупнейшим открытием проекта «Геном человека» стало то, что половина нашего генома действительно покрыта множеством таких эгоистичных элементов, включая миллион коротких вкраплений элементов, которые являются своего рода «геномными паразитами» [Савченко 2013].

Создание антропогенной ниши

Другая влиятельная позиция (теория «построения ниши»), сформировавшаяся недавно, пытается коррелировать основные положения концепции генно-культурной коэволюции с деятельностным видением человеческой истории. Сохранить «объективизм» эволюции в сочетании с «субъективизмом», то есть все большей автохтонностью развития нашего вида, создающей новую реальность, но все же неотъемлемую от продолжающейся эволюционной последовательности.

Эта позиция стремится учитывать активную роль человеческого развития и культурных процессов, и не только собственно в «истории», но и в не отмененной «эволюции» – посредством модификации и экологического наследования создаваемой людьми среды.

Многие из биологических видов формируют свою среду или «мир» (Umwelt), как говорил еще Я. фон Иксюль [Князева 2015]. Деятельность людей тоже изменяет окружающую среду таким образом, что создает специфическую антропогенную нишу. Это рукотворная защитная среда, формируемая людьми, но влияющая и на животных, и на растения [Kendal *et al.* 2011; Горелов, Горелова 2019].

Строительство человеческой ниши изменяет давление отбора в окружающей среде таким образом, что это влияет на эволюцию как человека, так и других видов. Генно-культурная коэволюционная динамика, вероятно, была особенно важна в ранней эволюции человека, инициируя такие процессы, как глобальное расселение и миграция, языковая эволюция, появление сельского хозяйства, эволюция болезней человека и домашних животных. Это согласуется с доказательствами быстрого генетического отбора, влияющего на такие характеристики расообразования, как пигментация кожи, форма тела, зубной ряд, функции мозга, метаболическая эффективность и устойчивость к болезням.

Поворотным моментом в складывании антропогенной ниши стало распространение оседлого образа жизни. Можно сказать, что люди были эволюционно преобразованы своим нахождением в постоянных поселениях или оседлым образом жизни с соответствующими видами деятельности. Последствия оседлости включали, как известно, серьезные диетические и эпидемиологические сдвиги, изменения в характере физической активности и модификациях микроклимата. Черты людей и множество различных видов, с которыми люди взаимодействовали, изменились. Здесь именно ниша или стабильная искусственная среда прямо и косвенно повлияла и на вовлеченные в нее виды. Можно сказать, что все эти виды были одомашнены в результате данных преобразований**.

Однако можно сказать, что и люди сами себя «одомашнили», создавая на основе формирующегося «рефлексивного мониторинга» культурно сконструированные аспекты своей ниши. Последние, в свою очередь, закрепляли генетическую эволюцию предрасположенностей к когнитивному углублению, просоциальным эмоциям и начаткам морального познания.

Причем построение культурной ниши, простираемой между поколениями, изменяло окружающую среду таким образом, что культура превращается в *causae* и убыстряющиеся культурные реакции на непредсказуемые модификации ниши делают генетические реакции слишком медленными и потому вторичными, не основными.

Таким образом, приблизительно в последние 100 тыс. лет люди стали все больше полагаться на физические и семантические ресурсы, которые были сформированы культурной деятельностью предшествующих поколений – от одомашненных животных и изготовления инструментов до письма, искусственной среды и религиозных космологий.

Конструкция «ниши», таким образом, дает очень полезный методологический ресурс для объединения различных взглядов на роль культуры как силы отбора в человеческой эволюции.

** Причем решающее значение имел не оседлый образ жизни как таковой, а стабильность и кумулятивный потенциал ассоциации между созданной человеком средой и видами, окружавшими человека (от микроорганизмов вроде дрожжей, растений до собак, кошек, мышей, сельскохозяйственных животных и мн. др.).

Но можно ли объяснить культурные, технологические и научные изменения также и с точки зрения дарвиновских принципов отбора? Некоторые ученые полагают, что теорию Дарвина возможно распространить и на сферу культуры: либо потому, что культура считается неотъемлемой частью человеческой природы, либо потому, что культурные изменения – это процесс, фундаментально похожий на биологическую эволюцию. Первый подход рассматривает культуру как прямое продолжение биологической эволюции, второй – как процесс, по существу аналогичный биологической эволюции. В любом случае, культурные изменения рассматриваются как процесс, который подчиняется и, следовательно, может быть описан и объяснен принципами Дарвина (вариация, отбор и репликация). Короче говоря, культуру именно в этом смысле можно «дарвинизировать». Однако на протяжении многих лет критики утверждали, что любая попытка дарвинизировать культуру обречена на провал, поскольку существует слишком много очевидных различий между биологической эволюцией, с одной стороны, и культурными изменениями – с другой. Следовательно, культура не может быть ни прямым продолжением биологической эволюции, ни каким-то аналогичным ей процессом. Конечно, эти критики с готовностью признают, что культура «эволюционирует» в том смысле, что развивается и меняется с течением времени. Но это считается тривиальным фактом, очевидной истиной, потому что для выполнения данного условия на самом деле нужно не так уж много.

Более же сильное утверждение, что культура развивается согласно принципам Дарвина, также не может быть поддержано, поскольку способ эволюции культуры полностью отличается от пути развития биологических видов. В конце концов, биологическая эволюция – это слепой и бессмысленный процесс, тогда как культурная эволюция управляется целеполагающими субъектами.

Однако, несмотря на некоторые очевидные различия между двумя видами эволюции, культурные изменения можно назвать «дарвиновскими», поскольку они имеют общую ключевую особенность с биологической эволюцией, а именно: оба вида эволюции являются результатом кумулятивных процессов отбора. В отношении культурной эволюции это означает, что информация постепенно накапливается в течение последующих поколений и приводит к появлению чрезвычайно сложных культурных артефактов и прак-

тик, которые никогда не могли быть изобретены с нуля одним человеком. Человеческая культура резко отличается от «культур» животных, поскольку только она действительно кумулятивна. Люди способны объединять свои когнитивные ресурсы так, как другие виды животных не могут.

Культура, возможно, имела свои корни в биологической эволюции, но в какой-то момент истории она зажила собственной жизнью. Как и биологическая эволюция, культура развивается сама по себе, поскольку она также содержит три ингредиента «формулы» Дарвина: вариацию, отбор и репликацию. В конце концов, то, что справедливо для генов, может быть также справедливо и для идей или «мемов», как писал тот же Р. Докинз, введя понятие единиц культурной эволюции.

Идея о том, что человеческая кумулятивная культура представляет собой процесс со своей собственной эволюционной динамикой и что культурные варианты часто действуют так, чтобы максимизировать собственную приспособленность, а не приспособленность своих носителей, подводит нас к меметике. Идея меметики была впервые предложена Р. Докинзом [2023]. Мемы (сокр. от греч. *Μίμησις* – «подражание») являются культурными аналогами генов. Это единицы культурного наследия, предположительно аналогичные гену. Как и в случае с генами, мы можем проводить различие между «генотипом» мема, то есть его лежащим в основе ментальным (нейронным) представлением в мозге, и «фенотипом», то есть его видимым (или слышимым и т. д.) выражением во внешнем мире. Фенотипические эффекты мема могут проявляться в словах, музыке, искусстве, навыках, науке и т. д. Эти проявления могут затем восприниматься другими людьми и отпечатываться в их мозгу, и в этом случае мем воспроизводит себя. Короче говоря, мем – это единица культурной информации, которая выживает и воспроизводится, «перескакивая» из мозга в мозг. Как и гены, мемы участвуют в постоянной и ожесточенной борьбе за выживание. В конце концов, не каждая возникшая идея выживет. Наоборот, более вероятно, что большинство идей быстро забываются, но время от времени мем может избирательно сохраняться, а затем передаваться следующему поколению. И опять же, поскольку дарвиновский процесс отбора носит кумулятивный характер, информация будет постепенно накапливаться и таким образом создавать огромный резервуар «меметической» информации [Голубева 2017].

Этот огромный и постоянно меняющийся резервуар идей, концепций, моды и гаджетов и есть наша культура.

Отбор против агрессии

Ч. Дарвин отмечал, что одомашненные виды иногда сходным образом отличаются от своих диких предков. Это побудило некоторых исследователей идентифицировать черты, общие для домашних животных. Было замечено, что домашние млекопитающие имеют такие особенности, как висячие или уменьшенные уши, более короткая морда, курчавые хвосты, более мелкие зубы, меньший объем черепа (с сопутствующим уменьшением размеров мозга), более частые эстральные циклы, некоторая депигментация, педоморфоз, неотеническое поведение и повышенная социальная активность, толерантность, уменьшение полового диморфизма (феминизация) и повышенная послушность. Эти черты и составляют так называемый синдром доместики [Косовский, Глазко 2020]. Современные люди демонстрируют ряд морфологических, физиологических, поведенческих и когнитивных особенностей, которые можно трактовать как проявления человеческой версии синдрома одомашнивания млекопитающих (сохранение ювенильных черт у взрослых, сглаживание различий между полами, уменьшение размеров черепа, понижение агрессивности, эмпатия, дружелюбие и т. д.) [Розов 2021а].

Однако главный вопрос заключается в том, как мог проходить эндогенный отбор против агрессии.

Еще Ч. Дарвин в «Происхождении человека» обсуждал влияние наказания преступников на эволюцию человека. Он утверждал, что даже у самых цивилизованных народов всегда происходит некоторое искоренение худших наклонностей. Злоумышленников казнят или сажают в тюрьму на длительные сроки, чтобы они не могли свободно передавать свои дурные качества. Меланхолики и безумцы заключаются в тюрьму или совершают самоубийство. Жестокие и сварливые люди часто печально заканчивают свою жизнь [Бужилова, Харитонов 2009].

Эти дарвиновские идеи были применены к пониманию антропогенеза. Здесь можно условно выделить четыре имеющиеся гипотезы: социально-дисциплинарную, «мужских анти-альфа-коалиций» («гипотеза казни»), женского анти-альфа-поведения и парохильного альтруизма.

Понятно, что одной из главных задач по выживанию, стоящих перед нашими предками, было купирование разрушительного влияния насильственных личностей, пытающихся с помощью систематического террора навязать свою волю группе с целью получения большей доли ресурсов.

Одним из авторов «социально-дисциплинарной гипотезы» отбора против внутривидовой агрессии был выдающийся советский генетик академик Д. К. Беляев. В одной из своих статей он выдвинул гипотезу о том, что отбор против агрессии оказал важное влияние на эволюцию человека: антропогенез удивительно похож на то, что наблюдается при доместикации животных (к примеру, у чернобурых лисиц) [Беляев 1987]. Согласно ему, отбор против агрессии в человеческих популяциях являлся побочным продуктом социальной (и социально сконструированной) ниши человека. Отбор требовал от индивидов новых свойств: способности подчиняться требованиям, традициям общества и конкретной социальной среды, то есть самоконтроля в социальном поведении и самооценке. Именно в этих условиях закрепились биосоциальная природа человека и биосоциальная функция его мозга. Социальное окружение, созданное самим человеком, стало для него совершенно новой экологической средой.

Идея вполне уместная в рамках марксистского мировидения, обладающая серьезным фактажом по наблюдению одомашнивания животных, но достаточно абстрактная по отношению к людям, особенно становящимся таковыми на заре человеческой истории. Три другие гипотезы более изобретательны в отношении гипотетического описания поведения древних людей, однако, соответственно, и более спекулятивны или умозрительны.

Приматолог Р. Рэнгем пытался определить те аспекты социальной ниши человека, которые и вызвали соответствующее давление отбора против агрессии. Согласно ему, небольшие общества охотников-собирателей, наиболее репрезентативные для образа жизни наших позднплейстоценовых предков, имели обратную иерархию доминирования, в отличие от близкородственных видов, таких как шимпанзе и гориллы, где альфа-самцы доминируют над всей стаей. Напротив, потенциальные альфы в группах охотников-собирателей, то есть люди, которые хотели бы командовать и контролировать всю группу, систематически терпят поражение от рядовых ее членов. Подчиненные, формируя прочный союз, находят способы наказывать потенциальных доминантов и навязать какие-то формы

эгалитаризма. Некоторые виды наказаний, такие как насмешки, являются мягкими, но другие суровы и могут привести к исключению из группы или даже к казни. Анти-альфа-коалиции иногда наблюдались у содержащихся в неволе обезьян, но они редки, хрупки и недолговечны. В позднплейстоценовых человеческих популяциях анти-альфа-коалиции стали обычным, прочным и долговременным явлением, вследствие чего оказались способны произвести эволюционно значимые эффекты. В развитии подобных анти-альфа-тенденций сыграла свою роль и охота на крупную дичь: она стала важным источником белка, а значит, и выживания для целых групп. Поэтому определенные формы равноправного распределения стали страховкой этого выживания и именно анти-альфа-санкции сделали возможным устойчивое эгалитарное структурирование.

Р. Рэнгем утверждает, что подобное коалиционное поведение и особенно скоординированные убийства людей альфа-типа создавали давление отбора против агрессии у людей. Люди стали «домашними» в результате этих коалиций и этих казней («гипотеза казни»). Исследователь настаивает, что давление отбора исходило только от коалиций самцов [Рэнгем 2022].

К. Найт, напротив, заявляет, что главную роль в устранении определенных конфликтных тенденций могла сыграть кумулятивная символическая культура, формы кооперативного взаимодействия, рождавшие множество других форм сложного сотрудничества. Найт представляет этот тезис в сочетании с менее надежными гипотезами о ведущей роли в этом процессе коалиций женщин, предпринимавших своего рода «секс-забастовки» против альфа-индивидов, посредством которых они могли заручиться поддержкой большинства не-альфа-самцов [Knight 1995]. К нему присоединяется С. Хрди, доказывающая, что развитие социальной толерантности, наблюдаемой у нашего вида, основывалось в первую очередь даже не просто на интригах сексуального манипулирования, а посредством активного приобщения к родительским обязанностям большинства мужчин – и вытекающей из этого совместной практике размножения. Соответственно, в итоге женщина могла рожать за десятилетие вдвое больше детей, чем самка шимпанзе, причем не столько потому, что люди успешнее добывают пищу, сколько вследствие того, что товарищеские связи, а не только

близкородственные, обеспечивали ей качественно бóльшую помощь и ресурсы [Blaffer Hrdy 2011].

Подобные размышления о самоодомашнивании человека как следствии биосоциальных форм внутригруппового отбора против агрессии постепенно приводят к появлению концепций, стремящихся преодолеть водораздел биологии и социальных наук.

Социальный отбор?

Термин «социальный отбор» долгое время воспринимался у нас как устаревший, реликт социального дарвинизма, своего рода социологический аналог естественного отбора. Однако в последние десятилетия он переживает новое рождение во второй, еще более «социологизированной» волне социобиологии под названием «селекционистская социология» [Runciman 2009].

Селекционистские социологи исходят из того, что любое социальное явление состоит из совокупности практик и материальных составляющих, где практики – это каким-то образом организованные формы деятельности. Социокультурная эволюция включает в себя три компонента: открытие и воспроизводство успешных практик, недостаток ресурсов и конкуренция за них, отбор. Последнее, отбор, это «выживание» конкретных практик, дающих вовлеченным в них индивидам возможность получить власть для распространения этих практик и, как следствие, создать условия для доминирования и последующего устойчивого социокультурного закрепления [Schatzki 2001].

Особое место в селекционистской социологии занимают концепции парохимального альтруизма [Segovia-Cuellar, Del Savio 2021; Ростовцева, Бутовская 2018], которые извечный спор в эволюционной антропологии относительно мирной или агрессивной природы человеческого вида решают в пользу ее толерантности, по крайней мере по отношению к представителям «своей» группы. Однако на этом они не останавливаются: преимущества постоянного взаимовыгодного товарообмена, притока свежей крови при браках с представителями весьма отличных групп и перенятие иного социального опыта могли стимулировать у людей также формирование толерантности по отношению к чужакам.

В каких-то существенных отношениях, мотивационных и эмоциональных, альтруизм имеет явственное биоэволюционное происхождение, о чем мы уже говорили выше, представляя процесс «самоодомашнивания» людей, в результате которого у них появил-

ся толерантный психологический профиль, схожий с физиологическими, морфологическими и поведенческими особенностями домашних животных и сравнительно социально толерантных обезьян, таких как бонобо. Сюда же добавляются и гипотезы коалиционного поведения против доминирующих самцов, улучшения социальных навыков и просоциальных мотиваций, возникающих как следствие развития новых форм родительской заботы, то есть ухода за новорожденными и младенцами со стороны расширенной группы людей.

Однако качественный скачок в эволюции ранее существовавших кооперативных склонностей в нашем поведении и превращение их в «ультрасоциальность» или способность сотрудничать в очень больших группах, в основном состоящих из неродственных и незнакомых людей, смог произойти, похоже, лишь в кумулятивной культурной эволюции. Происхождение и стабилизация подобной инклюзивной социальности стали возможными уже в условиях социального (культурного) отбора, когда гегемонами становились крупномасштабные общества, базирующиеся уже на развитых культурных технологиях: безличных институтов государств и рынков, организованных религий и универсалистских моральных и юридических кодексов. Агрессия и конфликты, вместе с тем, никуда не девались, а, скорее, перенаправлялись. Имперские религии и идеологии, с одной стороны, часто углублявшие внутригрупповое сотрудничество за счет кооперативной деятельности, с другой – способствовали конфликтному отношению к неверным и варварам.

Итак, скорее всего, правильным будет говорить о пластичности нашей природы. И сегодня люди сохраняют генетические основы как конфликтов, так и управления ими, сохраняя тем самым потенциал как войны, так и мира. Будем надеяться, что все же возобладают лучшие стороны нашей природы: ксенофилия и межгрупповая просоциальность. Они же, кстати, являются существенной частью эмоционального репертуара, составляющего человеческую мораль.

Сходные идеи успешно проникают и в работы отечественных исследователей; отмечается, что «необходимо сосредоточиться на поиске методик применения достижений биологической эволюционной науки к социальной эволюции» [Гринин, Коротаев 2007: 21]. В социальный отбор включают уже половой отбор, ранее априорно у нас исключавшийся. Социокультурные «изменения происходят не только благодаря накоплению опыта, но и через половой отбор. Удачливые охотники, приносившие больше еды, лидеры, красиво

и убедительно представляющие себя (на поздних этапах – также посредством речи), с которых берут пример, за которыми следуют, а также отцы и матери, лучше заботящиеся о детях, их безопасности и подготовленности к взрослой жизни, – все они получали преимущества в выборе супругов, в сохранении потомства, в сходных успехах их детей и внуков» [Розов 2021б: 10].

Выводы и их проблематизация

Мы обсудили четыре разных подхода к пониманию возможного влияния биосоциального отбора на раннюю эволюцию человека. Эти разные концепции связаны неким «фамильным сходством». Подобное сходство – в идее самодоместикации, понимаемой как особый переходный эволюционный процесс, трансформирующий-ся затем собственно в макроисторию. По мнению автора статьи, обсуждение приведенных концепций представляет особый интерес из-за их потенциального вклада в изучение многих ролей, которые играет человеческая деятельность в нашем самоформировании.

Вместе с тем вряд ли стоит останавливаться на столь благостном и позитивно-гуманистическом образе нашего вида, который мог бы сложиться у нас в конце: дескать, мы сформировали антропогенную нишу как стартовую площадку последующего триумфального социокультурного развития в рамках планеты; благодаря отбору против агрессивности создали альтруистические общности с преобладанием форм кооперативного взаимодействия.

Может, так оно и было, в виде возможной тенденции, но до начала городских цивилизаций, или, как еще их называют, «ранне-классовых обществ», или собственно уже человеческой цивилизации. Потом, судя по всему, все серьезно изменилось, и, кажется, в иную сторону.

Популяция *Homo sapiens* не столько успешно адаптировалась в биоценотической структуре, сколько адаптирует и преобразует ее под себя. Человек создал и стал развивать принципиально новое направление эволюции: антропоизацию биоценоза. Искусственная среда захватывает все мало-мальски пригодные для жизни территории планеты, человек стал самым опасным видом для природы, эволюции, гомеостаза [Тетиор 2017].

Отбор против агрессии сменился ренессансом альфа-индивидов уже собственно в летописи цивилизаций. Вся история традиционных обществ базируется на власти военной аристократии, дворянских сословий – многовековых соответствующих родов. И мно-

гие из них смогли мультиплицировать свои гены в таких масштабах, о которых не мог мечтать никакой древний альфа. Наиболее характерный пример – так называемый «ген Чингисхана» (16 миллионов потомков в Азии), верифицированный современными отечественными генетиками в развитие соответствующих более ранних западных исследований [Генетика... 2019].

Подобные проблематизации обозначают новые эвристические перспективы и возможные дальнейшие повороты темы, свидетельствуют об ограниченности и относительности даже, казалось бы, внушающих наибольшее доверие концепций, на деле оказывающихся бесконечной вереницей гипотез, лишь вместе отдаленно приближающих нас к некоему приблизительному пониманию неимоверной сложности проблем человеческого развития.

Литература

Беляев Д. К. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7(1305). С. 90–97.

Бужилова А. П., Харитонов В. М. Перечитывая Чарльза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (Дарвин как антрополог) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2009. № 4. С. 15–24.

Генетика и генеалогия: поиски потомков Чингисхана. 2019. 29 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://bio.tversu.ru/news/2384> (дата обращения: 10.11.2022).

Голубева А. Р., Семилет Т. А. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3(30). С. 193–205.

Горелов А. А., Горелова Т. А. Динамика экологической ниши человека // Образовательные технологии. 2019. № 2. С. 36–46.

Гринин Л. Е., Коротаяев А. В. Социальная макроэволюция и исторический процесс. К постановке проблемы // Философия и общество. 2007. № 2. С. 19–69.

Даниленко В. П. Универсальный эволюционизм в поэме Лукреция «О природе вещей» // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3(24). С. 119–129.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М. : Азбука, 2021.

Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ, 2023.

Князева Е. Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–43.

Косовский Г. Ю., Глазко В. И. Взаимосвязь между социализацией и domestикацией // Кролиководство и звероводство. 2020. № 5. Т. 2. С. 5–18.

МакГинн К. Эгоистичные гены и моральные паразиты // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 1. С. 127–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-127-135.

Розов Н. С. Загадки антропогенеза и критерии человечности // Философия и общество. 2021а. № 1. С. 5–30.

Розов Н. С. Обновление социальных порядков в антропогенезе – ключ к объяснению происхождения языка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021б. 24(3). С. 216–238. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.10.

Ростовцева В. В., Бутовская М. Л. Этнический парохиализм в кооперативном поведении // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 66–84.

Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М. : Corpus, 2022.

Савченко В. Эволюция генома человека // Наука и инновации. 2013. № 12(130). С. 4–8.

Саидов Н. С. Проблема происхождения и становления человека в философии Аристотеля // Вестник МГУКИ. 2009. № 7(27). С. 12–18.

Скотт Дж. Четыре приручения в истории человечества: огня, растений, животных и... нас // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 123–141.

Тетиор А. Н. Эра антропогенной эволюции: «вклад» человека в эволюцию и естественный отбор // Sciences of Europe. 2017. № 11. С. 59–71.

Blaffer Hrdy S. Mothers and Others. The Evolutionary Origins of Mutual Understanding. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 2011.

Kendal J., Tehrani J., Odling-Smee J. Human Niche Construction in Interdisciplinary Focus // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2011. Vol. 366. No. 1566. DOI: 10.1098/rstb.2010.0306.

Knight C. Blood Relations: Menstruation and the Origins of Culture. New Haven, CT; London : Yale University Press, 1995.

Runciman W. G. The Theory of Cultural and Social Selection. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

Scatzki T. On Sociocultural Evolution by Social Selection // Journal of the Theory of Social Behaviour. 2001. Vol. 31. No. 4. Pp. 341–364.

Segovia-Cuéllar A., Del Savio L. On the Use of Evolutionary Mismatch Theories in Debating Human Prosociality // Medicine, Health Care and Philosophy. 2021. Vol. 24. Pp. 305–314. DOI: 10.1007/s11019-021-10025-4.